

АРХИВ

Сергей Ушакин

ПЕЧАТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ И (МНОГО)НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕТСКАЯ КНИГА

Краткое введение к архивному блоку статей о создании национальных детских литератур в СССР предлагает видеть в этом процессе изобретение особой традиции, которая позволила одновременно демонстрировать включенность в общий советский литературный процесс и, в то же время, обозначать в этом потоке определенную прерывность с помощью акцента на национальных темах, сюжетах и стилях. Переводы классических произведений создавали в (много)национальной детской литературе «всеобщий» фон. В свою очередь, опора на фольклор давала возможность выявлять и популяризировать «особый» взгляд и интонацию. В качестве примера, отражающего динамику становления новой традиции, введение предлагает два «юбилейных смотра» детской книги, проведенных в 1936–1937 гг. и 1971–1972 гг. журналом «Детская литература». Практически повсеместные жалобы 1930-х гг. на полное отсутствие «кадров» в детской литературе в течение сорока лет сменяются развитой системой создания, оформления и распространения детской книги.

Ключевые слова: воображаемые сообщества, изобретение традиций, национальная печать, фольклор, ритуализация

Сергей Александрович Ушакин
Принстонский университет,
Принстон
oushakin@princeton.edu

В заключение скажем, что большая забота редакции о том, чтобы дать детям наиболее разнообразное чтение как в отношении тематики, так и в отношении жанра, безусловно чувствуется, но низкое качество многих произведений оставляет впечатление бледности и бесформенности.

Кон, 1939

В октябре 1971 г., готовясь к празднованию пятидесятилетия Советского Союза, журнал «Детская литература» решил провести «своего рода „смотри“ детских литератур братских республик» [Юбилейный смотр... 1971, 6]. Каждый последующий номер включал в себя «журнал в журнале» с материалами об истории и современном состоянии детской литературы той или иной республики.

Редакционная статья задавала общий вектор «юбилейного смотра», подчеркивая «преимущества социалистического объединения народов» в становлении и развитии литературы для детей: «В тех республиках, где детская литература имела давние корни и традиции, пополнившись лучшими „саженцами“ из братских литератур, она расцвела щедрым плодоносным садом. Там, где традиций таких почти не было, писатели могли опереться на богатый опыт соседей» [Там же].

«Смотр» стал, с одной стороны, *педагогическим событием*, возможностью подвести итоги и продемонстрировать на живых примерах все «ботаническое» разнообразие «плодоносного сада». С другой стороны, «смотри» был срежиссированной *пропагандистской кампанией*, нацеленной на популяризацию устойчивых нарративных формул, семантических клише и визуальных схем среди читателей¹. Тематическая и стилистическая специфика исторического материала каждой национальной литературы приводилась к «общему знаменателю» с помощью единой организационной рамки. Несмотря на бесконечное разнообразие «саженцев», каждый «сад» разбивался по одной и той же схеме. Приветственное слово председателя Союза писателей республики отмечало важность «большой литературы для малышей»². Обязательный исторический очерк с помощью схожих количественных показателей рисовал картину успешного развития национальной детской литературы («в 1921 году вышли две детские книги, в 1971 году, спустя пятьдесят лет, читатели получили около 150-ти книг для детей и юношества» [Топчян 1972, 11]). Краткие разборы наиболее популярных и важных поэтических и прозаических публикаций позволяли увидеть со-

временное лицо этой литературы. Обзор достижений художников-иллюстраторов передавал графически особенности национальных подходов в детском книгоиздании. В качестве финала «смотр» журнал предлагал своеобразный «парад» республиканских писателей: детская литература обретала плоть и кровь в виде «краткого биобиблиографического словаря» с фотографиями авторов и списком их работ.

Любопытно, что такая усиленная ритуализация восприятия поля детской литературы не скрывалась, а открыто декларировалась. Объявляя о начале «юбилейного смотра», его организаторы обнажали генеалогию исторической преемственности, предлагая видеть *в настоящем* бесконечную цепь праздничных годовщин важных событий *прошлого*: «Четыре года назад наш народ праздновал 50-летие Октября, совсем недавно весь мир отмечал вместе с нами 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. И вот приближается еще одна великая дата: декабрь 1972 года — 50-летие Союза Советских Социалистических Республик» [Юбилейный смотр... 1971, 6].

Сегодня в этом настойчивом желании «отметить дату» легко увидеть «начало конца» позднесоветского общества, которое усиленно скрывало отсутствие внятной картины будущего с помощью прихотливых вариаций на исторические темы. С такой точки зрения череда юбилеев была ничем иным, как симулякром истории; ритуализация символического порядка — явным симптомом его самовыхолащивания, а повторение форм и сюжетов прошлого — верным способом его обесмысливания, символом культурной обездвиженности, пустым означающим и маской без лица.

Подобное прочтение позднесоветских ритуалов, безусловно, имеет право на существование. Но мне кажется, что исключительный акцент на пустотности позднесоветских форм упускает из виду один существенный момент. Прихотливость праздничных вариаций, настойчивое стремление к формированию архива достижений и трудоемкому выстраиванию хронологических связей, исторических генеалогий и способов их современных репрезентаций недвусмысленно указывали на социально-культурную значимость подобных юбилейных мероприятий для его организаторов. Растянутый на пятнадцать месяцев праздничный «смотр» детской литературы своими масштабами сводил, классифицировал и тиражировал в едином пространстве страны огромное количество имен, тем и текстов, наполняя идеологические формулы и лозунги вполне конкретными и исторически важными материалами. «Смотр» легитимировал себя через связи с прошлым, тем самым формируя новые

способы его восприятия. Несомненно, активное продвижение многообразия в ходе «смотра» было идеологически мотивированным, но сама идеологическая потребность в многообразии постоянно заставляла организаторов культурного процесса искать (и находить!) новые примеры и формы «многонациональной» литературы.

В своей известной работе об «изобретении традиций» Эрик Хобсбаум напоминает нам о двух важных функциях подобного производства прошлого. Традиция действует либо *референциально*, отвечая «на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой», либо — перформативно, создавая «себе прошлое путем их (традиций — С. У.) как бы обязательного повторения» [Хобсбаум 2000, 48]. Этот двойственный повтор — как ссылка и как действие — есть средство достижения более важной цели, состоящей во «внедрении определенных ценностей и норм поведения» [Там же, 51]. «Изобретение традиций», как отмечает Хобсбаум, собственно и есть «процесс формализации и ритуализации» материала [Там же]. Иначе говоря, в ритуальном осмотре «плодоносного сада» детской литературы по случаю очередного политического юбилея можно видеть не только бюрократическую игру пустых фраз, но и стремление обновить характер отношений с прошлым и уточнить его полезное содержание.

Для истории советской детской литературы выводы Хобсбаума о необходимости формализации и ритуализации прошлого как способа его актуализации становятся особенно важными в сочетании с еще одной концептуальной рамкой, возникшей чуть позже — в начале 1990-х гг. Бенедикт Андерсон в книге об истоках и распространении национализма связывает появление «воображаемых сообществ» с возникновением «печати-как-товара»: газета и роман (среди прочих форматов) послужили «ключом к зарождению совершенно новых представлений об одновременности» у членов национальных сообществ [Андерсон 2016, 90]. Художественная литература и периодическая печать помогали преодолевать в воображении физическую разнородность и географическую рассеянность индивидуальных «элементов», из которых составлялась нация. Как замечал Андерсон: «Американец никогда не повстречает и даже не будет знать по именам больше, чем небольшую горстку из 240 с лишним миллионов своих собратьев-американцев. У него нет ни малейшего представления о том, что они в любой данный момент времени делают. Однако есть полная уверенность в их стабильной, анонимной, одновременной деятельности» [Там же, 75]. «„Печатные языки“ в частности и „пе-

чатный капитализм“ в целом тиражировали и подкрепляли эту уверенность в принадлежности к большому сообществу с помощью „унифицированных полей обмена и коммуникации“; „через печать и газету“ люди обрели способность понимать друг друга» [Там же, 100]. Национальные газеты и национальная литература задавали рамки восприятия национального пространства и предлагали общий словарь выразительных форм, с помощью которых индивидуальные чувства могли приобретать «национальное» звучание.

Формальная ритуализация истории усиливалась унифицирующим воздействием печати, создавая в итоге состояние, которое Андерсон определяет как «прерывность–в–связности» [Там же, 104] — т. е., состояние физической, пространственной и/или интеллектуальной дискретности при наличии доступа к общим платформам и средствам общения. Разумеется, печатный социализм внес свои поправки в эту модель. В данном случае ритуализация/формализация истории и унификация полей коммуникации шли в ином направлении. В отличие от печатного капитализма, унифицировались и формализовались не поля обмена и интерфейсы общения, а структура содержания. Общность и одновременность — т. е. *связность* — создавались за счет популяризации устойчивых наборов тем и приемов сюжетосложения. В свою очередь, *прерывность* находила свое выражение на уровне языка и стиля: национальное различие манифестировалось не *сообщением*, а, так сказать, его *носителем*.

«Юбилейный „смотр“ детских литератур братских республик» 1971–1972 гг. хорошо рифмуется со схожим смотром «национальной советской детской книги» [Емельянов 1940, 72], который журнал «Детская литература» провел в 1936–1937 гг., отмечая 20-летие Октябрьской революции. Небольшая подборка материалов того периода наглядно показывает, как зарождалась эта версия печатного социализма с его специфическим пониманием «прерывности–в–связности».

Судя по материалам раннего «смотра», проблемы детской литература республик СССР виделись тогда прежде всего в социальной (а не литературной) составляющей. Оксана Иваненко в своем выступлении о детской книге в Украине в 1940 г. отмечала «самую существенную» трудность «начального периода» печатного социализма — недостаточное количество тиражей: «книг у нас мало... Тираж 10–20 тысяч — это капля в море, это полчаса в очереди в магазинах детской книги» [Иваненко 1940, 39].

Еще более сложной была проблема «организации собственных кадров детских авторов» в республиканских издательствах — тех самых «носителей» национальных различий, которых «Детская литература» выведет на парад своего юбилейного смотра 1971–72 гг. Степан Злобин в обзорной статье 1936 г. о «Детских книжках Узбекистана» без обиняков констатировал: «Писатели-националы Узбекистана и Таджикистана еще не подошли к сознанию необходимости создавать детскую литературу» [Злобин 1936, 78]. Вариации на тему «плохо обстоит дело с кадрами детской книги» можно легко найти практически в каждом обзоре национальной детской литературы того времени³.

Кадровый вакуум «писателей-националов» повсеместно заполнялся предсказуемым способом — переизданиями досоветской и переводами зарубежной литературы. Например, Ивлиан Джанджгава, подводя итоги 1936 г., сетовал, что из 24 детских книг, изданных сектором детской и юношеской литературы Госиздата Грузинской ССР, десять — переводы; остальные четырнадцать принадлежали «главным образом грузинским классикам, а не современным писателям» [Джанджгава 1937, 14].

Показательно, что список переводных авторов оставался во многом без изменений на всей территории СССР. Многочисленные отчеты с мест о состоянии детского книгоиздания перечисляют одних и тех же западных «классиков»: Жюль Верн, Марк Твен, Вальтер Скотт, Андерсен, Рабле, Доде, Распэ, Киплинг, Гюго, Свифт, Бичер-Стоу, Сервантес...⁴ Сложившись во многом от безысходности, этот общесоветский канон детской мировой литературы в значительной степени сформировал общий лексикон героев, сюжетов и принципов мировосприятия у читателей, разделенных пространством и языками. Связность цементировалась содержательной общностью. Прерывность преодолевалась ограниченным выбором авторов, тем и стилей.

Очевидный перекосяк в сторону классики и переводов вызывал немало технических возражений. Рецензенты не переставали жаловаться на то, что «язык переводов недостаточно обработан», а «детские произведения пишутся языком взрослых» [Андреев 1936, 30]. Более существенными были возражения идеологической и тематической направленности. Как отмечали критики, переводы и переиздания «отстают от жизни; мало произведений, отражающих наши достижения в науке, технике, соцстроительстве...» [Там же]. Уже упомянутый Джанджгава, одобряя в целом издание классиков, перечислял ряд «законных вопросов» к детскому кни-

гоизданию в Грузии: «создаёт ли издательство новые книги, книги на современные темы, книги, воспитывающие ненависть к фашизму, чувство интернационализма, любовь к нашей великой родине, к нашим вождям; как издательство формирует материалистическое мировоззрение наших детей, новую социалистическую мораль?» [Джанджгава 1937, 14].

Набор базовых тем собственно детской литературы и возникнет в процессе перевода этих общеполитических задач с языка взрослых на язык детей⁵. При этом политизация детской литературы во многом наступала на те же грабли, что и литература для взрослых. Попытки создать привлекательный образ «стопроцентного пионера» [Джанджгава 1937, 14] или «маленького колхозника» [Кон 1939, 12] нередко встречали обвинения в «сухой газетности» и трафаретности, которые были «не способны затронуть зрителя» [Злобин 1936, 74]. От Украины на западе до Узбекистана на востоке «национальная советская детская книга» сталкивалась с одной и той же базовой трудностью:

...почти нельзя встретить живых, полнокровных советских детей — сверстников читателя [Кон 1939, 12];

...все ребята на одно лицо; у них вовсе нет внешности, ни цвета глаз или волос, этих ребят не узнать, если их встретишь [Злобин 1936, 74];

...в этой поэме нет не только конкретных исторических или типических характеров, в ней нет сколько-нибудь правдоподобных изображений людей. Все сливается в одно мутное бесформенное пятно. ...Абстрактные кулаки убивают абстрактного пионера. Когда и где — неизвестно [Джанджгава 1937, 15].

Впрочем, было бы неверно воспринимать начальный этап печатного социализма исключительно негативно. Поиски новых тем, жанров и героев требовали времени, ресурсов и талантов. Со временем эти поиски и создадут литературу, заслуживающую «юбилейного смотра». Накапливая силы и материалы, авторы 1930-х гг. нередко находили выход в фольклоре, используя его как способ обозначения национальной «прерывности» в общем потоке советской литературы. Связывая себя с историческим прошлым через заимствование формальных элементов народных песен и сказок, они тем самым вырабатывали свою собственную — особую — интонацию. И вряд ли является простым совпадением то, что среди многочисленных публикаций 1930-х гг. о национальной детской

литературе наиболее полно и позитивно представлена именно та литература для детей, в которой критики особенно подчеркивали наличие «фольклорной струи» [Рубина 1939, 23] — прежде всего, литература на грузинском, украинском и идиш⁶. Неслучайным, вероятно, является и то, что свой негативный вывод о работе редакции украинского журнала «Жовтень», который я цитирую в эпиграфе, Лидия Кон заканчивала пожеланием «повысить свои требования к литературному качеству материала и расширить отдел классической литературы и фольклора» [Кон 1939, 13]. Собственно, из этих оснований — фольклор и классика — и вырастет со временем советская (много)национальная литература для детей, предложив свою собственную версию «прерывности–в–связности», противоречиво сочетающей в себе единичное и всеобщее, индивидуальное и универсальное, национальное и советское.

Примечания

- ¹ О раннесоветских истоках жанра «смотров» в детской литературе см. [Ferrari 2021].
- ² См., напр. «Большая литература для малышей» Мирзы Ибрагимова [Ибрагимов 1972, 9]. Название статьи отсылает к известному докладу С. Маршака «О большой литературе для маленьких» на первом съезде советских писателей в 1934 г.
- ³ См. напр., статью Н. Андреева «Чувашская детская литература» [Андреев 1936, 30].
- ⁴ См., напр., статьи Саид-Заде «Крепче связь» [Саид-Заде 1936], А. Гвиниашвили «Грузинская детская литература» [Гвиниашвили 1937, 13], З. Абдиновой «Таджикская детская литература» [Абдинова 1936, 27], Р. Барун «Украинская детская литература» [Барун 1936, 25].
- ⁵ Подробнее о механизмах такого перевода см. [Oushakine 2016].
- ⁶ См., напр., статьи Рехвиашвили «Грузинская детская литература» [Рехвиашвили 1936], И. Джанджгава «Грузинская литература за 1936 год» [Джанджгава 1937, 15], В. Курашовой и И. Розина «Иван Франко — детям» [Курашова, Розин 1940], Р. Барун. Украинская детская литература [Барун 1936], А. Копштейна «Хана Левина» [Копштейн 1939].

Литература

Источники

- Абдинова 1936* — Абдинова З. Таджикская детская литература // Детская литература. 1936. № 19. С. 27–28.
- Андреев 1936* — Андреев Н. Чувашская детская литература // Детская литература. 1936. № 19. С. 28–30.
- Барун 1936* — Барун Р. Украинская детская литература // Детская литература. 1936. № 19. С. 25–26.
- Гвиниашвили 1937* — Гвиниашвили А. Грузинская детская литература // Детская литература. 1937. № 22. С. 11–17.
- Джанджгава 1937* — Джанджгава И. Грузинская литература за 1936 год // Детская литература. 1937. № 9. С. 14–20.
- Емельянов 1940* — Емельянов Б. Детские книги Михася Лынькова // Детская литература. 1940. № 1–2. С. 70–72.
- Злобин 1936* — Злобин С. Детские книжки Узбекистана // Детская литература. 1936. № 2. С. 72–78.
- Ибрагимов 1972* — Ибрагимов М. Большая литература для малышей // Детская литература. 1972. № 6. С. 9.
- Иваненко 1940* — Иваненко О. Детская книга на Украине // Детская литература. 1940. № 1–2. С. 38–40.
- Кон 1939* — Кон Л. «Жовтень» // Детская литература. 1939. № 10–11. С. 11–13.
- Курашова, Розин 1940* — Курашова В., Розин И. Иван Франко — детям // Детская литература. 1940. № 11–12. С. 10–14.
- Копштейн 1939* — Копштейн А. Хана Левина // Детская литература. 1939. № 10–11. С. 18–20.
- Копыленко 1937* — Копыленко А. Украинская детская литература // Детская литература. 1937. № 21. С. 53–57.
- Рехвиашвили 1936* — Рехвиашвили Ак. Грузинская детская литература // Детская литература. 1936. № 12. С. 18–23.
- Рубина 1939* — Рубина Р. Детские стихи Л. Квитко // Детская литература. 1939. № 12. С. 22–28.
- Саид-Заде 1936* — Саид-Заде. Крепче связь // Литературная газета. 1936. № 73(636), (31 дек.) С. 3.
- Топчян 1972* — Топчян Э. Мечты высокой вдохновение // Детская литература. 1972. № 7. С. 21.
- Юбилейный смотр 1971* — Юбилейный смотр республик // Детская литература. 1971. № 10. С. 6.

Исследования

Андерсон 2016 — Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2016.

Хобсбаум 2000 — Хобсбаум Э. Изобретение традиций / пер. С. Панарина // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

Ferrari 2021 — Ferrari G. A. (Dis)Play: Paper Show Rooms of Soviet Labor // The Russian Review. 2021. July, vol. 80, no. 3. Pp. 431–455. DOI: 10.1111/russ.12320.

Oushakine 2016 — Oushakine S. Translating Communism for Children: Fables and Posters of the Revolution // boundary2. 2016. Vol. 43. No 2. Pp. 159–219. DOI: 10.1215/01903659-3572478.

References

Anderson 2016 — Anderson, B. (2016). Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma [Imagined communities] (transl. V. Nikolaev). Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Ferrari 2021 — Ferrari, G. A. (2021). (Dis)Play: Paper Show Rooms of Soviet Labor. The Russian Review, July, 80 (3), 431–455. DOI: 10.1111/russ.12320.

Hobsbawm 2000 — Hobsbawm, E. (2000). Izobretenie traditsiy [The Invention of Tradition]. Vestnik Evrazii, 1, 47–62. (In Russian).

Oushakine 2016 — Oushakine, S. (2016). Translating Communism for Children: Fables and Posters of the Revolution. boundary2, 43 (2), 159–219. DOI: 10.1215/01903659-3572478.

Serguei Oushakine

Princeton University; ORCID: 0000-0002-6758-2135

PRINTED SOCIALISM AND (MULTI)NATIONAL CHILDREN'S
LITERATURE

Presenting the collection of archival articles on the creation of national literatures for children in the USSR, the brief introduction proposes to see the early Soviet construction of a new subfield of national literatures as yet another example of invented traditions. New children's literatures in Soviet republics demonstrated their deep involvement in the common — Soviet — literary development and simultaneously their cultivated sense of cultural autonomy, marked by specifically national themes, plots, and styles. Translations of international classics into national languages added a necessary “global” and “universal” dimension to national children's literatures. In turn, the activation and instrumentalization of folklore helped to identify and popularize “specific” ethnic points of view and intonations. As the key example of this dynamics, the introduction examines two performative “parades” of national children's literatures, which were staged in the journal *Detskaia literatura* (Children's Literature) in 1936–1937 and in 1971–1972. Within forty years, almost universal complaints about the lack of qualified children's writers were replaced with extensive reports about highly developed systems of creation, production and dissemination of literature for children.

Keywords: imagined communities, invented traditions, national press, folklore, rituals